

В. П. Максаковский³

О ЗАИМСТВОВАНИИ ЗАРУБЕЖНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ОПЫТА

При переходе к рыночным отношениям Россия не могла не учитывать опыт, накопленный на Западе. Некоторые заимствования явно пойдут нам на пользу, в том числе и в образовании. Во-первых, это

переход к обязательному среднему образованию, которое давно уже существует в большинстве развитых стран. Во-вторых, это намеченный Госдумой переход к 12-летнему полному среднему образованию, которое ныне дают своим гражданам не только все развитые, но и многие развивающиеся страны. В-третьих, это увеличение вариативности среднего образования, еще больший отход от стандартизации и унификации советской эпохи. В-четвертых,

³ Академик Российской академии образования, заведующий кафедрой экономической и социальной географии Московского государственного педагогического университета, доктор географических наук, профессор. Автор более 550 научных работ: «Экономическая и социальная география мира», «Научные основы школьной географии», «Преподавание географии в зарубежной школе», «Географическая культура», «Историческая география мира», «Всемирное культурное наследие», «Географическая картина мира», «Общая экономическая и социальная география» и др. Член редакционных со-

ветов журналов «География в школе» и «География и экология в школе XXI века». Почетный член Русского географического общества, географических обществ Чехии и Болгарии, действительный член Национального географического общества США. Лауреат государственных премий СССР, премий Президента РФ и Правительства РФ в области образования.

это усиление прикладной направленности школьного образования, отход от излишнего академизма.

Что же касается отрицательного заимствования зарубежного опыта, то ограничимся только двумя примерами, но зато какими! Ведь речь пойдет о пресловутом Едином государственном экзамене (ЕГЭ) и Болонской системе — квазирыночных нововведениях, внедренных в наше образование в известной мере волюнтаристски, вопреки убедительным и очень массовым протестным акциям. Хотя такое копирование западных образцов и проходило под лозунгом заботы об обществе и государстве.

Единый государственный экзамен — первое любимое детище Министерства образования и науки РФ — раскололо всю страну на два лагеря не меньше, чем монетизация льгот, проведенная несколько лет назад. Почему ЕГЭ вызвал в обществе такую волну неприятия? Почему еще в 2004 году протест по этому поводу направили В. В. Путину 420 известных ученых, академиков, учителей? Почему в сотнях, тысячах публикаций о ЕГЭ писали как об «угадайки», «кошмарном сне», «нейтронной бомбе, которая, не вредя телу, уничтожает душу» и т. п.? Почему они требовали, чтобы ЕГЭ по крайней мере не стал единственным способом поступления в вуз? Да потому, что *ЕГЭ не имеет никакого отношения к выполнению главной задачи нашего образования — повышению его качества*. Потому, что ЕГЭ толкает его на путь формализации и примитивизма, когда действительная проверка знаний, умения проникать в суть вещей подменяется *проверкой информации*, да еще в виде более или менее разрозненной фактологии. В результате ЕГЭ обезличивает прием и не дает раскрыться индивидуальным качествам поступающих. Воспитание навыков стандартного мышления — это путь к формированию ординарной, а не творческой личности. И стремление лучше подготовить учеников к ЕГЭ превращает учебно-воспитательный процесс из познавательного и развивающего в банальное натаскивание. Да и от коррупции он тоже не спасает.

Многие считают, что формализованный подход ЕГЭ более губителен для гуманитарных, чем для естественных предметов. Например, смысл и цели литературы или истории просто противоречат форме тестового экзамена. В этом свете особенно выделяется география — единственный школьный предмет, имеющий и естественное, и общественное содержание. Сошлюсь на основоположника отечественной экономической географии Н. Н. Баранского, который выразился предельно емко: «Если в географии не давать пространственной связи между явлениями, не давать связной, логически законченной характеристики стран и районов, что же останется от географии как науки? Собрание справок — не наука!»

Второй сверхзадачей Министерства образования и науки РФ стало присоединение к Болонскому процессу в 2003 году. Но ожесточенные споры по этому поводу не утихают. И это закономерно, поскольку в России у данного явления есть как «плюсы», так и «минусы».

Никто не сомневается в полезности Болонского процесса для Европы, поставившей задачу со-

здания «Европы знаний». Но этот процесс нельзя оценивать обособленно от реалий. Нужно понимать, что он лишь часть гораздо более масштабного процесса создания Единой Европы, прежде всего это относится к Евросоюзу. Нельзя не учитывать и того, что двухуровневая система высшего образования, имеющая в этом регионе тысячелетние корни, не означает его кардинальной ломки. Просто в стремлении к повышению конкурентоспособности своего высшего образования (прежде всего с США) европейцы решили сделать его более прагматичным и еще более ориентированным на рынок труда.

Совсем иное дело — Россия, которая строит свое единое экономическое пространство не столько с Европой, сколько с наиболее близкими ей странами СНГ. Конечно, некоторые положения Болонской системы могут быть полезными и для России, особенно если бы они вводились в жизнь более гибко, с правом выбора, разумным сочетанием старого и нового и, главное, с учетом тех принципов Болонского процесса, которые предоставляют университетам возможность самим формировать стратегию и выбирать приоритеты в обучении. Но у нас двухуровневую систему ввели, как всегда, в командно-приказном порядке, без учета того, что она фактически почти полностью разрушает сложившуюся подготовку специалистов с 5–6-летним сроком обучения. *Самым массовым продуктом высшей школы станет бакалавр*, что не может не привести к еще большему снижению качественного уровня выпускников. Напомню, что всю нашу прессу обошла фраза В. А. Садовниченко о том, что в зарубежных лабораториях бакалаврам доверяют разве что... пробирки мыть. А недавно еще резче высказался Ю. М. Лужков: «Бакалавр — это недотепа, полупродукт, который не будет знать, как применить себя в реальной жизни». В этом свете особенно беспокоит судьба учительского корпуса России. Преимущества моноуровневой подготовки по педагогическим специальностям со сроком обучения 5 лет и квалификацией выпускника как учителя и необходимость сохранения фундаментальности образования уже были доказаны многими авторитетными людьми.

Принцип фундаментальности для «классических» университетов, которые тоже готовят учителей, постоянно отстаивал В. А. Садовнический. Но с этим не посчитались, и теперь в нашу школу вместо дипломированных специалистов будут приходиться бакалавры, более подходящие для должности помощника учителя. В США такая должность есть (кстати, с годовым окладом больше нашего профессорского), но ведь в России ее нет.

Мне кажется, что здесь налицо не совсем правильная трактовка понятия о глобальном образовательном пространстве и параметрах его унификации и недоучет того положения нашего закона «Об образовании», где говорится о единстве федерального культурного и образовательного пространства России и о нацеленности его на формирование российской национальной гражданской идентичности. Для подтверждения данного тезиса приведу пример. После Второй мировой войны оккупированная

Япония заимствовала у США структуру и средней (6 + 3 + 3), и высшей школы, но при этом сумела создать свое единое образовательное пространство, которое не является копией американского. В своем последнем Послании Федеральному собранию Рос-

сийской Федерации президент Российской Федерации Д. А. Медведев говорил о том, что мы обязаны беречь единое культурное пространство страны во всем его многообразии. Из этого и нужно исходить, а не бездумно копировать западный опыт.